Книгоиздательство „Сполохи“.

вышли въ свѣтъ новыя книги:

Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 1-я. Цѣна 50 к.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 2-я. Цѣна 1 р.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 3-я. Цѣна 1 р.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 4-я. Цѣна 1 р.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 5-я. Цѣна 1 р.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 6-я. Цѣна 1 р.
Сборникъ „СПОЛОХИ“ книга 7-я. Цѣна 1 р.

готовится къ печати

Сборникъ „СПОЛОХИ“

книга 8-я.

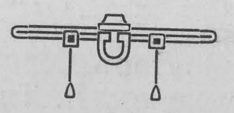
Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ. Москва—Петербургъ.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Москва.

СПОЛОХИ

КНИГА ВОСЬМАЯ.



СОДЕРЖАНІЕ:

странная, полубезумная улыбка. Въ мозгу вспыхивали фразы: „Сейчасъ свершится... Я узнаю власть... Сейчасъ же... Хорошо“...

Площадь оживала. Стали появляться покупатели. Толстыя кухарки съ корзинами, дворники, повара, лакеи, барыни и прочій народъ.

Загудѣли голоса. Началась торговля.

Нилъ проникъ въ центръ толпы. Поднялъ быстро руки и громко крикнулъ:

— Слушайте!

Моментально около него образовался кругъ толпы. Всѣ насторожились:

— Слушайте, вы, — снова закричалъ Нилъ. — Кто хочетъ имѣть деньги — пусть подходитъ сюда...

Кольцо толпы сомкнулось плотнѣе. Наступила тишина. Послышался шопотъ:

— Сумасшедшій!

— Ишь, глаза какіе безумные.

— А можетъ пьяный...

— Ловите!..

Въ блѣдномъ свѣтѣ тускло сверкнуло золото и разсыпалось по грязи.

Толпа дико вскрикнула. Нѣкоторые бросились бѣжать въ стороны; другіе нагнулись и стали выхватывать изъ грязи монеты.

Съ злорадной улыбкой на лицѣ Нилъ выхватилъ еще горсть золотыхъ.

— Ловите!

Опять сверкнуло золото въ блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра и осыпало толпу.

Пачку кредитныхъ билетовъ онъ пустилъ на вѣтеръ.

Посмотрѣлъ какъ къ верху протянулись руки, жадно цѣпляющіяся за летящими бумажками. Видѣлъ, какъ большой чернобородый мужикъ, размахнувшись, ударилъ тщедушнаго парня по лицу. Въ свою очередь парень выхватилъ булыжникъ изъ мостовой и ударилъ чернобородаго по головѣ и тотъ съ глухимъ стономъ прижался къ землѣ... должно быть, навѣки...

Грязные, окровавленные люди барахтались, мѣшая кровь съ грязью, вырывая деньги другъ у друга.

А Нилъ хохоталъ, блестя безумными глазами.

Павелъ Плоховъ.

Толстой и его опрощеніе.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Это было лѣтъ десять до смерти великаго старца. Я гостилъ въ родномъ селѣ въ Епифанскомъ уѣздѣ. Обратный путь мой въ Москву лежалъ черезъ Тулу, и я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и посѣтить великаго мыслителя, благо въ моемъ распоряженіи было достаточно свободнаго времени.

Я много лѣтъ мечталъ объ этомъ поломничествѣ и разъ случай представился, отчего не взглянуть, какъ и гдѣ живетъ великій человѣкъ.

Въ моемъ представленіи Толстой былъ святой человѣкъ, для соприкосновенія съ которымъ нужно непремѣнно приготовиться, очиститься отъ всего суетнаго, какъ вѣрующіе люди приготовляются къ совершенію религіозныхъ обрядовъ, для чего разстояніе до Ясной Поляны, около 70 верстъ, я счелъ необходимымъ пройти пѣшкомъ.

Было сѣрое, хмурое октябрьское утро, когда я вышелъ изъ родного села. Передо мною развернулась съ дѣтства знакомая, широкая безлѣсная гладь. Взоръ охватилъ пространство на десятки верстъ. Вдали, теряясь въ сѣромъ туманѣ, виднѣлись села и деревни, одиноко и сиротливо торчали стога сѣна на барскихъ угодьяхъ. Кое гдѣ, по озимой зелени, бродилъ тощій крестьянскій скотъ. Просторъ нѣмой степи и ненарушаемая тишина располагали къ размышленію, но мысли витали вокругъ великаго старца. Я задавалъ себѣ вопросъ, что собственно сдѣлалъ Толстой для человѣчества, т.-е. какіе реальные результаты дала міру его философія, измѣнилось ли что-нибудь въ жизни подъ вліяніемъ его проповѣди, а главное, я подводилъ итогъ, что дали его шестнадцать томовъ лично мнѣ, какой переворотъ они произвели въ моемъ умственномъ и нравственномъ кругозорѣ и, вообще, въ моемъ внутреннемъ „я“.

Оцѣнить всю ту пользу, которую Толстой принесъ цѣлому міру, конечно, не по силамъ простому смертному, но лично для меня онъ

сдѣлалъ не мало. Польза отъ его воздѣйствія на меня свободно поддавалась учету.

Я много читалъ до Толстого; читалъ художественныя произведенія, читалъ научныя книги по разнымъ отраслямъ знанія, читалъ всевозможную публицистику по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ, слушалъ лекціи на разныя темы. Но все это нагромождалось въ моемъ умѣ какимъ-то безпорядочнымъ лабиринтомъ, изъ котораго не было разумнаго выхода. Всѣ эти безсистемныя, разрозненныя и порою противорѣчивыя знанія оторвали меня отъ того здороваго взгляда на жизнь, какимъ смотритъ простой народъ и скорѣе завели въ какую-то невѣдомую глушь, чѣмъ указали лучшую дорогу. Но Толстой мнѣ помогъ во многомъ разобраться. При его помощи я много увидѣлъ ложнаго въ жизни, въ наукѣ и искусствѣ, что прежде считалъ за святую правду; подъ вліяніемъ его книгъ у меня впервые зародились важные вопросы о цѣли и смыслѣ жизни и о необходимости пониманія окружающей природы. Прямого отвѣта на эти жгучіе вопросы я не нашелъ или не умѣлъ найти у него, однако довольно и того, что эти вопросы зародились и заставили работать мысль.

Я шелъ не спѣша и Ясной Поляны достигъ на третьи сутки. Было около четырехъ часовъ пополудни, когда я очутился около старинныхъ башенъ, стоявшихъ на подобіе городскихъ кордегардій при входѣ въ Ясную Поляну. Сердце трепетно забилось во мнѣ, когда я вступилъ въ усадьбу и шелъ стариннымъ березовымъ паркомъ по направленію къ дому. Сознаніе, что вотъ сейчасъ я увижу Толстого и буду говорить съ нимъ настолько опьянило меня и затуманило голову, что я почти не помнилъ себя, не слышалъ подъ собою уставшихъ ногъ, и только какая-то непонятная, безотчетная робость заставляла озираться кругомъ и замѣчать предметы. Между старыхъ березъ блестѣли стальною поверхностію пруды, виднѣлся роскошный фруктовый садъ, мелькнула красивая площадка для игръ. О чемъ буду говорить съ великимъ писателемъ я уже обдумалъ дорогой, когда шелъ одинъ безлюдными полями. Я хотѣлъ попросить у него отвѣта на мучившіе меня вопросы, хотѣлъ получить разъясненіе на тѣ мѣста изъ его писаній, которыя мнѣ казались непонятными. Всѣ эти вопросы я дорогой систематизировалъ въ своемъ умѣ, привелъ въ стройный порядокъ и, подходя къ дому я уже не заботился объ этомъ.

Около террасы большого, двухъ-этажнаго дома находился старый раскидистый вязъ, который, какъ я потомъ узналъ, назывался деревомъ бѣдныхъ. У этого вяза толпилась кучка людей; тутъ были и степенные мужики въ овчинныхъ полушубкахъ и деревенскія бабы, и грязные, изможденныя дѣти, и сомнительные субъекты въ сильно поношенныхъ костюмахъ и съ помятыми физіономіями, и просто нищіе съ сумами. Они должно быть, не мало провели времени подъ вязомъ, потому что на лицахъ у всѣхъ выражалось томительное и напряженное ожиданіе. Я хотѣлъ было направиться прямо въ домъ, но меня охватила сильная робость и, простоявъ немного около входа, я нерѣшительно отошелъ и примкнулъ къ стоящимъ у дерева.

Опустившись на край скамейки я съ любопытствомъ смотрѣлъ и на домъ, въ которомъ жилъ и работалъ геніальный творецъ безсмертныхъ вещей, и на все окружающее. Тутъ все—и домъ съ разбитыми передъ нимъ цвѣтниками, и вообще вся усадьба Толстыхъ, производила впечатлѣніе культурнаго помѣщичьяго уголка. Все дышало довольствомъ, благоустройствомъ и опрятностью; во всемъ проглядывала заботливая хозяйская рука, видѣлось удобство, уютность и хорошій, здоровый комфортъ, но все это какъ-то, какъ будто не вязалось съ проповѣдью Льва Николаевича, съ его стремленіемъ опрощать внѣшнюю обстановку и сокращать протребности до уровня потребностей простого народа. Я блуждалъ глазами то въ ту, то въ другую сторону, а въ глубинѣ души у меня шевельнулось какое-то нехорошее чувство, получалась какая-то раздвоенность, и въ головѣ засверлили назойливые вопросы: что же это, безсиліе, хитрость или недомысліе? Не можетъ или не хочетъ онъ порвать окончательно съ тою жизнью, на которую такъ безпощадно обрушивается въ своихъ проповѣдяхъ? Мирится ли онъ съ этой противорѣчивой дѣйствительностью, какъ съ трагической неизбѣжностью, или съ ловкостью актера примиряетъ величайшую идею простоты съ комфортомъ и удобствами, получаемыми за счетъ лишеній того обездоленнаго народа, за который онъ такъ горячо ратуетъ? Подъ наитіемъ этихъ назойливыхъ вопросовъ, я по временамъ готовъ былъ упрекнуть Льва Николаевича за то, что у него безсмертныя слова какъ бы расходились съ дѣломъ. Но я силился припомнить всѣ тѣ хорошія черты изъ его повседневной жизни, о которыхъ читалъ и слышалъ и подавлялъ это нехорошее чувство и отгонялъ горечь сомнѣнія.

Мысли мои были прерваны послышавшимся смѣхомъ и веселымъ говоромъ. На террасѣ появилось нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ показалась живая, подвижная фигура старика. Это былъ

самъ Левъ Николаевичъ Толстой. На немъ было удобное теплое пальто, войлочная шапка и простые сапоги. Его простое, почти крестьянское лицо, казалось заурядным, напоминавшимъ лицо какого-нибудь стараго лабазника изъ мучного ряда и совсѣмъ не тѣмъ божественнымъ лицомъ, какимъ я представлялъ его въ своемъ воображенiи, или вѣрнѣе, какимъ мнѣ его хотѣлось видѣть. Мнѣ даже какъ будто и обидно сдѣлалось, что у такого знаменитаго человѣка и такое обыденное лицо. И только сѣрые, бойко выглядывавшiе изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей глаза свидѣтельствовали о сильномъ духовномъ источникѣ, который скрытъ въ глубинѣ его личности. Видно было по его взгляду, что онъ немало поработалъ надъ самимъ собой, надъ своимъ самоуглубленiемъ и хорошо сознаетъ себя и все окружающее.

На дворѣ было свѣжо и пасмурно, и когда Левъ Николаевичъ сталъ сходить съ террасы, какая-то молодая женщина, повидимому, одна изъ его дочерей, находу поправила ему шарфъ и подняла воротникъ пальто.

Толстой и какой-то изящный господинъ среднихъ лѣтъ, разговаривая по-французски, направились къ намъ, а кучка людей, членовъ семьи и гостей, остались на террасѣ и, перебрасываясь между собою, любовно провожали его глазами.

Ожидавшiе его просители безпокойно засуетились. Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, когда онъ подошелъ къ намъ. Сознанiе, что Толстой, тотъ самый великiй Толстой, о которомъ слава гремитъ по всему мiру, который вѣщаетъ объ источникѣ жизненныхъ благъ и разъясняетъ въ чемъ лежитъ корень зла, находится въ двухъ шагахъ отъ меня, котораго я вижу не на портретѣ, а во всей его обыденной простотѣ, слышу его живую рѣчь, помутило мой мозгъ, въ глазахъ у меня зарябило и я, какъ сквозь сонъ видѣлъ, что происходитъ вокругъ меня. Левъ Николаевичъ спрашивалъ, что кому нужно, просители говорили о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, жаловались на кого-то, совали ему въ руки бумаги. Съ одними онъ говорилъ ласково и что-то обѣщалъ, другимъ сухо говорилъ, что ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, третьимъ давалъ деньги. Наконецъ, очередь дошла и до меня... Я былъ уже послѣднимъ просителемъ, потому что стоялъ поодаль всѣхъ.

— Вамъ что нужно? — спросилъ онъ, подходя ко мнѣ и пронизывая меня испытующимъ взглядомъ своихъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ.

Его глаза загорѣлись какимъ-то особеннымъ огонькомъ, когда онъ окидывалъ меня съ ногъ до головы. Что-то острое, проникающее въ самую глубину души было въ этомъ взглядѣ, и я окончательно растерялся и почувствовалъ себя пришибленнымъ. Казалось бы, не должно быть робости передъ человѣкомъ, который даже съ нищими держится, какъ съ равными, но ужъ видно таковы результаты вѣковой крестьянской забитости. Десяткамъ поколѣнiй крестьянъ возбранялось признавать за собою личность. Званiю подлыхъ людишекъ соотвѣтствовали презрѣнныя морды, служившiя мишенью для позорныхъ господскихъ плевковъ и унизительныхъ зуботычинъ, и хотя я родился позже паденiя крѣпостного рабства, наслѣдственная забитость, тѣмъ не менѣе, всосалась въ меня съ молокомъ матери. Вся та смѣлость, которой я набрался въ городѣ, вся духовная независимость, почерпнутая изъ книгъ, куда-то исчезли; во мнѣ должно быть пробудился приниженный типъ крестьянина моихъ предковъ, представшаго предъ лицомъ помѣщика-аристократа, совмѣщающаго въ себѣ и огромную знатность и всю аристократическую науку. И я, какъ тотъ чиновникъ у Некрасова, который забылъ заученную рѣчь, когда предсталъ предъ сiятельной особой, теръ и лобъ и переносицу, но ничего не сказалъ путнаго, такъ же стоялъ передъ Львомъ Николаевичемъ и не могъ выговорить ни слова. У меня дрожали руки и ноги, трясся подбородокъ, на глазахъ навернулись непрошеннныя слезы, и слова не шли съ языка. Замѣтивъ мое волненiе, Левъ Николаевичъ дружески положилъ мнѣ на плечо руку, съ какой-то особенной, точно неземной улыбкой посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и мягко проговорилъ:

— Чего вы волнуетесь? Вы хотите мнѣ что-то сказать, такъ говорите попросту, не стѣсняйтесь. Люди людей не должны бояться...

Но говорить о томъ, о чемъ я собирался дорогой, задавать ему тѣ вопросы, на которые хотѣлось получить разъясненiе, я чувствовалъ себя не въ силахъ. Я инстинктивно увидѣлъ страшную разницу между нами, непроходимую пропасть между просто любознательнымъ мужикомъ и ученымъ бариномъ, перекинуть мостъ черезъ которую я не могъ, и я робко и безсвязно забормоталъ, неуклюже переминаясь съ ноги на ногу.

— Я такъ... Мнѣ ничего... ничего не надо... Я шелъ мимо.... такъ зашелъ... Я въ Москву иду...

Но Льву Николаевичу должно быть не вѣрилось, чтобы я безцѣльно, просто ради любопытства зашелъ въ Ясную Поляну. У него много бываетъ всевозможныхъ посѣтителей и, принимая ихъ, онъ

уже привыкъ съ перваго взгляда опредѣлять кому что нужно, и онъ самъ пришелъ мнѣ на помощь.

— Да чего вы перепугались? Вѣдь я не палачъ. Пойдемте-ка, вотъ съ нами прогуляться, дорогой и поговоримъ. Мы на прогулку идемъ.

Онъ взялъ меня подъ руку. Я какъ-то безотчетно подчинился ему и, все еще продолжая волноваться, послѣдовалъ съ нимъ. Идя со мною подъ руку, онъ дорогой разспрашивалъ меня, кто я, откуда и куда иду, чѣмъ занимаюсь, что меня интересуетъ въ жизни, что читаю, каково мое семейное положеніе. Я мало-по-малу оборкался и уже болѣе связно разсказывалъ о себѣ. Я какъ на исповѣди признался ему, что особенно люблю литературу, занимаюсь въ свободное время самъ писательствомъ и назвалъ изданія, въ которыхъ въ то время печатался.

— Ну, вотъ, еще и писатель, а говорите, что вамъ отъ меня ничего не нужно. У писателя къ писателю всегда есть дѣло, — добродушно сказалъ Левъ Николаевичъ и, помолчавъ немного, добавилъ одобрительно.

— Это хорошо, что вы свой досугъ посвящаете литературѣ. Старайтесь только, чтобы вашъ трудъ служилъ на пользу ближнему. Если любите литературу, если тянетъ къ писательству — пишите, но пишите то, что нужно и полезно массамъ. Пишите о народѣ и для народа. У интеллигенціи много литературы, хотя, конечно, больше плохой, чѣмъ хорошей, а народная литература бѣдна. По крайней мѣрѣ здоровой, разумной и понятной литературы мало. Вотъ эту-то литературу вы и должны создавать сами крестьяне. Вамъ это легче, чѣмъ людямъ изъ другого общества. Вы лучше знаете и трудовую жизнь народа, лучше понимаете народную душу, а главное, у васъ должны быть еще не изглажены, не развращены вкусы. Жаль вотъ, что вы уходите отъ деревни, отъ самаго разумнаго земледѣльческаго труда. Постарайтесь вернуться къ крестьянству, слиться съ нимъ, и вы тамъ будете полезнѣе, чѣмъ въ городѣ. Только въ деревнѣ, на землѣ настоящая разумная жизнь. Среди полезнаго труда и Богъ чувствуется ближе, а въ городѣ идоламъ поклоняться стали.

Я сказалъ, что я и самъ очень люблю деревню, люблю природу и крестьянъ, съ которыми связанъ кровными узами, но что при настоящихъ условіяхъ трудно жить въ деревнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Левъ Николаевичъ, оказалось, зналъ наше село, зналъ и то, что по исключительнымъ историческимъ условіямъ земельный надѣлъ у нашего общества больше, чѣмъ у другихъ крестьянъ уѣзда и земля черноземная и рѣшительно не согласился.

— Можно, можно жить, неправда, а въ особенности у васъ. При хорошемъ стараньи, да безъ пьянства, на вашей землѣ прокормиться можно. Можно быть сытымъ, обутымъ и одѣтымъ и имѣть теплый уголъ, а больше человѣку ничего и не нужно. Остальное въ немъ самомъ.

Когда мы вернулись съ прогулки, онъ освѣдомился: не голоденъ ли я, не утомился ли и предложилъ остаться переночевать въ Ясной Полянѣ. Но я отказался. Съ нимъ лично я бы охотно провелъ еще нѣкоторое время. Во время прогулки и бесѣды онъ расположилъ меня своей простотой и задушевностью. Я оборкался, привыкъ къ нему и не только что пересталъ робѣть, но чувствовалъ, что меня къ нему какъ будто что-то тянетъ. Но быть у него въ домѣ среди незнакомыхъ людей не своего положенія, съ которыми я совсѣмъ не умѣлъ себя держать, мнѣ казалось пыткой, и я поблагодарилъ его за совѣты, ушелъ.

— Поѣдете опять въ деревню, заѣзжайте ко мнѣ. Теперь ужъ мы съ вами знакомы, — крикнулъ онъ мнѣ уже вслѣдъ.

Начинало вечерѣть, когда я вышелъ за предѣлы Ясной Поляны. Я весь былъ наполненъ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ и весь находился подъ вліяніемъ только что пережитаго. Передъ моими глазами вставалъ образъ великаго Толстого, а въ головѣ въ безпорядкѣ тѣснились его слова. Сомнѣніямъ, родившимся во мнѣ во время ожиданія, уже не было мѣста послѣ бесѣды со Львомъ Николаевичемъ. Безпредѣльный восторгъ и благоговѣніе передъ нимъ переполняли все мое существо. Я остановился и сталъ соображать, куда мнѣ итти: на станцію или прямо въ Тулу. Въ это время меня нагналъ какой-то страннаго вида господинъ лѣтъ тридцати, въ высокихъ стоптанныхъ сапогахъ, длинномъ неуклюжемъ пальто и въ широкой порыжѣвшей шляпѣ, изъ-подъ которой падали до плечъ свалявшіеся черныя кудри. Въ рукахъ у него была суковатая палка, а за плечами болталась сума. По костюму и внѣшности онъ напоминалъ собой не то странника, ходившаго по святымъ мѣстамъ, не то послушника, выгнаннаго изъ монастыря, не то просто бродягу, скитавшагося по бѣлу свѣту безъ опредѣленной цѣли.

— Не по дорогѣ ли? — спросилъ онъ, поравнявшись со мной и приподнимая шляпу.

Я очнулся отъ своего раздумья, не безъ подозрѣнія окинулъ его

взглядомъ, стараясь разгадать, что онъ за фруктъ и въ свою очередь спросилъ:

— А вы куда?

— Пока до Тулы пробираюсь, а тамъ на Скопинъ лыжи направлю. Если по дорогѣ, пойдемте вмѣстѣ, вдвоемъ поваднѣе.

— Пойдемте, мнѣ тоже до Тулы, — согласился я, сразу рѣшивъ, что не стоитъ итти на станцію и ждать нѣсколько часовъ поѣзда. Мнѣ хотѣлось говорить, разсказывать о бесѣдѣ съ Толстымъ кому бы то ни было, подѣлиться переполнявшимъ меня восторгомъ, и я даже обрадовался случаю, что мнѣ какъ разъ въ эту минуту попадается человѣкъ.

— Яснополянскаго пророка посѣтили? — заговорилъ странникъ, когда мы зашагали по мягкой, влажной дорогѣ.

— Да, былъ у Толстого, — не безъ удовольствія отвѣтилъ я.

— Такъ. Любопытство удовлетворили... Я тоже имѣлъ слабость подчиниться малодушному любопытству и побывать въ Ясной Полянѣ, а потомъ и раскаялся.

Меня непріятно передернуло.

— Почему-то... А потому, что сказано: не прикасайся къ богамъ.

Случайный спутникъ мой былъ тоже изъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда. Въ юности онъ почувствовалъ необыкновенную склонность къ наукѣ и несмотря на то, что отецъ его, зажиточный крестьянинъ и міроѣдъ, всячески препятствовалъ его желанію и никакъ не хотѣлъ пускать его дальше сельской школы, онъ добился того, что окончилъ Алферовскую учительскую семинарію въ Смоленской губерніи и былъ восемь лѣтъ учителемъ въ земской школѣ въ Одоевскомъ уѣздѣ. Теперь его уволили изъ учителей за неблагонадежность, и онъ пробирался на родину, чтобы заняться крестьянствомъ. Онъ было широко начитанъ, но мыслилъ какъ-то своеобразно и смѣло.

— Да, къ богамъ прикасаться не слѣдуетъ, чтобы они не показались ничтожными, — продолжалъ онъ воодушевляясь. — Толстой великъ, когда его не видишь, когда не знаешь, какъ и гдѣ онъ живетъ. Когда его только читаешь, то видишь, что онъ не зря потратилъ свои жизненныя силы. Его призывъ къ самосовершенствованію, несомнѣнно, дастъ благіе результаты и послужитъ свѣтящимся маякомъ, предупреждающимъ катастрофу въ борьбѣ за существованіе. Но когда заглянешь въ его повседневную жизнь, посмотришь на всю ту обстановку, въ которой онъ живетъ и работаетъ и на весь его обыденный укладъ, то онъ покажется такимъ же смертнымъ и безпомощнымъ, какъ и мы грѣшные. По мысли, по умственному и художественному дарованію, по богатству души и по чистотѣ совѣсти Толстой величайшій изъ людей отъ самаго сотворенія міра. Поколѣнія будущихъ вѣковъ, до которыхъ дойдетъ его ученіе, но которыя утратятъ свѣдѣнія о его личной жизни, несомнѣнно, окружатъ его ореоломъ божества. Да и есть за что. Вѣдь онъ дѣйствительно всеобъемлющій геній и въ какую бы область человѣческой жизни и знанія ни заглядывалъ, онъ своею неотразимой логикою до ужаса просто разрѣшаетъ задачи. Возьмите хотя бы экономическую науку или соціологію... Сколько написано томовъ по этимъ вопросамъ, сколько запутанности и неразберихи. Цѣлыми годами нужно работать, чтобы хоть чуть-чуть разобраться во всемъ этомъ ворохѣ запутанности и хоть какое-нибудь имѣть представленіе объ этихъ, такъ называемыхъ, законахъ науки, но прочтите двѣ-три маленькихъ брошюрки Толстого и все это идетъ на смарку, все кажется ненужнымъ баластомъ. Всѣ стяжавшіе славу въ наукѣ имена, какъ Карлъ Марксъ, Адамъ Смитъ, Лассаль, Энгельсъ и др. блѣднѣютъ передъ нимъ и кажутся пигмеями. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ еще сильнѣе и проще и его логика еще неотразимѣе. Но когда путемъ ли логическаго размышленія или путемъ упорной внутренней работы надъ собой онъ пришелъ къ необходимости взяться за физическій трудъ и вести образъ жизни простого крестьянина, то получается смѣшная бутафорія.

— Что же собственно смѣшного въ томъ, что онъ отказался отъ роскоши и поѣхалъ пахать? — съ жаромъ возразилъ я. — Впрочемъ, когда человѣкъ дѣлаетъ много, то отъ него всегда требуютъ больше.

Мнѣ непріятно было, что этотъ странный субъектъ не далъ мнѣ излить свои чувства, выложить всѣ тѣ впечатлѣнія, какія тѣснились въ моей головѣ и съ первыхъ же словъ сталъ расхолаживать мое настроеніе, а онъ, перебивая меня, горячо продолжалъ:

— Да, смѣшно... впрочемъ хуже, чѣмъ смѣшно. Больно за его безпомощность, когда онъ, Толстой, величайшій изъ людей всего міра, съ горемъ пополамъ, хуже самаго зауряднаго мужичишки ковыряетъ землю первобытной сохой и самымъ искреннимъ образомъ думаетъ, что дѣлаетъ хорошее дѣло.—Вѣдь если проповѣдывать словомъ и дѣломъ физическій трудъ, такъ надо проповѣдывать и его культивировку, а не оставаться на точкѣ замерзанія. Что собственно далъ его этотъ примѣръ, хотя бы окружающему крестьянству? Чему научилъ? Поднялъ ли онъ ихъ земледѣльческую культуру? Вѣдь у него въ Ясной Полянѣ земля обрабатывается усовершенствованными орудіями. Тамъ физическій трудъ находится въ стройномъ, гар-

моническомъ сочетаніи съ техническими завоеваніями человѣческаго ума; и тамъ, трудъ каждаго невѣжественнаго рабочаго не въ примѣръ продуктивнѣе его личнаго труда. По моему, если ужъ онъ, Толстой, всемірный учитель, выѣхалъ обрабатывать землю, такъ нужно и здѣсь показать свое величіе, которое служило бы образцомъ, а не ковыряться допотопнымъ способомъ наравнѣ съ невѣжествомъ. Не лучше у него обстоитъ дѣло и съ шитьемъ сапогъ и со всякими тамъ другими ремеслами. Здѣсь, такъ же самый послѣдній запьянцовскій сапожникъ стоитъ выше Толстого. Вѣдь если всѣми этими дѣлами занимается сидячій человѣкъ для того, чтобы размять мускулы, то это понятно, но если это разминаніе мускуловъ возводятъ въ достоинство, то смѣшно. Пьяный сапожникъ, у котораго отъ многолѣтней практики пріобрѣтается большой навыкъ, можетъ усовершенствовать какой-нибудь швовъ и сдѣлать обувь удобнѣе, а что сдѣлаетъ Толстой? Изуродуетъ ту форму, которая выработана до него. Еще Петръ Великій брался за такія дѣла, да бросилъ. У того даже съ лаптемъ ничего не вышло. Когда такіе міровые люди становятся въ ряды рабочихъ, то является вопросъ, что собственно они хотятъ доказать, то ли, что они умѣютъ работать, или то, что они не брезгаютъ работой; поднять ли и облагородить трудъ своими священными особами, или они просто подчиняются физической потребности организма? Физическій трудъ—главная основа человѣческой жизни, а все остальное есть придатокъ, это такъ, но нельзя къ нему относиться такъ легкомысленно...

Когда стало темно, и мы чувствовали порядочную усталость, мы не безъ труда добились ночлега въ попутной деревнѣ. Идеи Толстого плохо проникли въ жизнь въ окрестностяхъ Ясной Поляны, и чтобы укрыться отъ темной ночи, намъ пришлось прибѣгнуть къ помощи старосты и получить ночлегъ по его наряду.

На утро, когда мы отдохнувшіе бодро шагали въ Тулу, вчерашній разговоръ какъ-то самъ собою возобновился, и мы опять повели бесѣду о Толстомъ.

Я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ, что Толстой потому взялся за физическій трудъ, что какой-то крестьянинъ назвалъ его тунеядцемъ. Онъ согласился съ доводами крестьянина и хотѣлъ непосредственнымъ трудомъ оправдать свое существованіе. И я сказалъ объ этомъ собесѣднику.

— Знаю. Читалъ и я объ этомъ, — отозвался тотъ. — Это говоритъ только за искренность Толстого, за его благія порывы, но дѣла не мѣняетъ.

Онъ помолчалъ, задумчиво посмотрѣлъ по сторонамъ, откуда, окружая шоссейную дорогу, мило выглядывали красивыя дачки, и продолжалъ:

— Трудъ крестьянина въ этой мѣстности, въ среднемъ оцѣнивается въ 75 коп. за цѣлый день отъ утра до вечера. Значитъ, Толстой, если бы онъ даже цѣлыми днями работалъ только физическую работу, получалъ бы всего по 75 коп. въ день. И какъ вы думаете, могъ ли бы онъ пользоваться на этотъ заработокъ такимъ комфортомъ, какимъ пользуется теперь. Очевидно, при всемъ своемъ желаніи, тунеядства онъ все-таки не избѣжалъ. Онъ не шутя, по побужденію, хотѣлъ во всемъ: въ трудѣ, въ обстановкѣ, и даже въ костюмѣ подражать крестьянину и не могъ. Природная изнѣженность, вѣками вкоренившіяся привычки аристократа и превратныя понятія о задачахъ интеллигенціи не позволяютъ ему снизойти до уровня мужика, а поднять до своего уровня мужика—задача и вовсе непосильная, и получается бутафорія. Представьте себѣ простую соху, за которой ходитъ Левъ Николаевичъ, и уютный, изолированный кабинетъ, попасть постороннему въ который можно только послѣ сорока мытарствъ; въ кабинетѣ лапка для шитья сапогъ и каминъ, атрибуты крестьянскаго обихода и велосипедъ, стоющій двухъ хорошихъ крестьянскихъ запряжекъ; пахата земли и игра въ лаунъ-теннисъ и прогулка верхомъ въ удобномъ сѣдлѣ. На самомъ удобная блуза сверху и чистое, вѣроятно, полотняное бѣлье внизу, а у постели, ночью, теплыя мягкія туфли. Нѣтъ въ поминѣ ни печки съ грязною соломой, ни посконной рубахи, ни лаптей, сквозь которыя промокаютъ ноги, ни блохъ, ни таракановъ. Если нѣтъ чрезмѣрной роскоши, то есть большое удобство, котораго не встрѣтишь у простого, трудового крестьянства. И, вообще, какъ бы онъ ни силился опроститься, привычки аристократа не оставляютъ его. Онъ все-таки остается безпомощнымъ рабомъ этихъ привычекъ. Онъ подпалъ, да и не могъ не подпасть подъ дѣйствіе матеріальной культуры, безъ которой не могъ развиться умственно. Онъ не можетъ не видѣть, что его умственный трудъ продуктивнѣе при наличности комфорта. Онъ понимаетъ, что заѣдаетъ чужой трудъ, тяготится этимъ, считаетъ грѣхомъ и не можетъ выйти изъ этого положенія. Тутъ получаются сложныя противорѣчія.

Я сталъ возражать. Я что-то много и должно быть глупо говорилъ, потому что насмѣшливая улыбка все время не сходила съ лица у моего спутника.

— Вотъ что, — прервалъ онъ меня, наконецъ, — остановимся-ка на минутку. Я промочилъ ногу. Вотъ переобуюсь и поговоримъ.

Онъ сѣлъ на откосъ, снялъ сапогъ и перевернулъ портянку сухимъ концомъ. И когда надѣлъ сапогъ и поднялся на ноги, весело сказалъ:

— Вѣдь вотъ кажись пустяшная штука промочить ногу, а уже чувствуешь, что пропадаетъ настроеніе.

Мы опять зашагали по шоссе. Нѣкоторое время мы шли молча, разсѣянно глазѣя по-сторонамъ. Вдругъ лицо моего спутника сдѣлалось серьезнымъ, ясные, голубые глаза заискрились вдохновеніемъ, и онъ строго заговорилъ:

— Слушайте, вамъ непріятно, что я сказалъ нѣсколько нелестныхъ эпитетовъ по адресу Толстого?

Я кивкомъ головы подтвердилъ его предположеніе.

— И мнѣ непріятно и даже больно, — продолжалъ онъ, — больно находить недостатки у тѣхъ, кого хочется боготворить, кому, какъ святынѣ, поклоняться хочется, но чувствами приходится поступиться, когда холодный разсудокъ говоритъ другое. Но разберемъ по порядку, правъ ли я въ своихъ сужденіяхъ. Жизнь человѣчества, по моему мнѣнію, дѣлится на три главныхъ степени: на дѣйствительность, геніальность, и идеалъ. Дѣйствительность создается дѣломъ рукъ человѣческихъ, т.-е. физическимъ трудомъ, и является первой и важнѣйшею необходимостью, безъ которой ничто не можетъ существовать. Главная дѣятельность человѣка поэтому должна отдаваться ей. Геніальность — это то, что должно улучшить и совершенствовать дѣйствительность. Она такъ же необходима, но уже имѣетъ второстепенную важность. Идеалъ — это уже стремленіе къ совершенствованію духа, къ познанію Божества и, слѣдовательно, стремленіе къ высшему блаженству. Эта степень, по своей важности, должна бы занимать первое мѣсто, но, къ несчастью, она не можетъ осуществляться безъ двухъ предыдущихъ степеней. Отсюда вытекаетъ такой выводъ, что прежде всегда каждый человѣкъ долженъ работать физическую работу, потому что она есть источникъ матеріальной жизни, къ ней каждый и долженъ приспособляться съ малолѣтства, потомъ заниматься умственнымъ трудомъ для того, чтобы физическая работа была болѣе осмысленной и продуктивной и затѣмъ уже самоуглубляться созерцать, мечтать о высшемъ духовномъ благѣ и, вообще, уноситься въ заоблачную высь. Такимъ образомъ физическій трудъ не только не долженъ считаться рабскимъ трудомъ, трудомъ египетскимъ, подневольнымъ, но по меньшей мѣрѣ долженъ имѣть одинаковое право

гражданства. Если мы зададимся вопросомъ: кто кому нужнѣе, сапожникъ со своимъ ручнымъ трудомъ Толстому при нашихъ климатическихъ условіяхъ, или Толстой со своей книгой сапожнику, то придется отвѣтить, что сапожникъ нужнѣе. Въ конечномъ итогѣ они оба другъ другу полезны, но книга нужна, а сапоги необходимы. Безъ философіи Толстого тысячи лѣтъ обходились, а безъ обуви не могли обходиться. Значить, прежде всего дѣйствительность, т. е. производительный трудъ. Но Толстой, какъ и вся наша дворянская интеллигенція, большую часть своей жизни провелъ за умственнымъ трудомъ, не замѣчая дѣйствительности. Когда же онъ на склонѣ лѣтъ понялъ, что совершилъ величайшій грѣхъ существуя за счетъ чужого труда, онъ пришелъ въ ужасъ. Онъ сознавъ, что грѣшно и недобросовѣстно оставаться тунеядцемъ и принялся за работу.

Вотъ тутъ то онъ и оказался слабымъ, безпомощнымъ и жалкимъ. Во-первыхъ потому, что по старой барской привычкѣ онъ все таки первое мѣсто отводилъ умственному труду, а во-вторыхъ потому, что его ручной трудъ оказался такимъ непродуктивнымъ и ничтожнымъ, что онъ не освободилъ его отъ тунеядства. Его пахата, косьба, шитье сапогъ нашли отраженіе въ современной живописи. Лучшіе художники увѣковѣчили его на своихъ полотнахъ за работой, но у крестьянъ онъ вызывалъ только ироническую улыбку. Чувствуя безпомощность съ одной стороны и подчиняясь требованіямъ совѣсти съ другой, онъ сталъ опрощаться и сокращать потребности, но и тутъ ушелъ недалеко, потому что отъ многаго не могъ отрѣшиться и ко многому привыкнуть. Въ общемъ получилась такая печальная картина: Толстой, какъ художникъ и мыслитель — недосягаемая высота, Толстой-производитель — ничтожество. Толстой великій моралистъ и Толстой — паразитъ.

Въ это время мы проходили мимо какого-то частнаго владѣнія. Человѣкъ шесть юхновскихъ мужиковъ вели канаву по межѣ этого владѣнія. Погода стояла сырая, холодная, съ пронизывающимъ, мокрымъ вѣтромъ. Свѣжая канава сейчасъ же заполнялась водой, сочившейся изъ промокшей земли. Тѣ мужики, которые по протянутой веревкѣ снимали верхній слой земли, были обуты въ веревочныя чуни, а которые отдѣлывали канаву на-чисто — разувши и засучивъ по колѣна корявые посконные портки, босые стояли въ грязной и холодной водѣ.

— Ну, вотъ вамъ, — сказалъ спутникъ, показывая на земляковъ и зло захохоталъ. — Вотъ вамъ примѣръ. Могъ ли аристократъ Толстой дойти до такого опрощенія? Нѣтъ, конечно. Не могъ и не мо-

жетъ. Онъ только разъ въ жизни разулся для того, чтобы художникъ Рѣпинъ написалъ съ него, съ босого, портретъ. Вотъ конечный пунктъ опрощенія, до котораго можетъ дойти аристократъ даже съ величайшимъ умомъ и чистѣйшей, какъ кристаллъ, совѣстью. А разъ, даже такіе исключительные люди не могутъ снизойти до народа, то о сліяніи интеллигенціи съ народомъ не можетъ быть и рѣчи. У народа нарождается своя трудовая интеллигенція. Эта интеллигенція живетъ съ нимъ одною жизнью, дѣлитъ вмѣстѣ трудовое бремя, не вызываетъ въ немъ ни озлобленія, ни ненависти и ей принадлежитъ будущее. А кабинетная дворянская или буржуазная интеллигенція останется сама по себѣ. Она все дала въ лицѣ Толстого, что могла дать и ужъ дальше не пойдетъ. Существовать она, конечно, будетъ, будетъ платонически вздыхать о народѣ, проливать крокодиловы слезы, но будетъ жариться въ собственномъ соку.

Я не зналъ, что возразить на простые и убѣдительные доводы своего спутника. Онъ разбилъ въ моей душѣ какой-то свѣтлый сосудъ и обвѣялъ меня тяжелымъ кошмаромъ. Я посмотрѣлъ на его простое и открытое лицо, на его сверкавшіе вдохновеніемъ голубые глаза и разсѣянно уронилъ:

— Значитъ, нѣтъ на землѣ совершенства?

— Конечно, нѣтъ, — встрепенулся онъ. — Совершенство впереди; оно тотъ свѣтлый геліосъ, къ которому человѣчество должно стремиться и Толстой болѣе, чѣмъ кто другой потрудился для проложенія къ нему пути. Вообще, онъ много сдѣлалъ за свою жизнь и за все свое сословіе, которое тысячу лѣтъ существовало за счетъ народнаго труда, заплатилъ хорошею цѣной... Спасибо ему и за это. Его свѣтлая память долго будетъ жить въ сердцахъ народа.

Впереди показалась Тула, блестя сквозь сѣрый туманъ, золотыми куполами церквей, и мы молча шагали по шоссейной дорогѣ, думая каждый свою думу.

Г. Завражный.

Ея чары.

Я любилъ дѣвушку съ волосами червоннаго золота, съ зелеными глазами кошки, съ блѣднымъ лицомъ и алыми губами. Углы рта ея приподнимались и, казалось, что она всегда надъ чѣмъ-то тайно смѣется.

Иногда горячо прижималась она ко мнѣ, давя голову мою въ своихъ объятьяхъ; иногда молча отстраняла меня отъ себя, и лицо ея казалось маской.

Когда я спрашивалъ, что заставляетъ ее такъ мѣняться, она не отвѣчала и только выше подымались углы ея губъ.

Но я любилъ ее, какъ никого другого.

Въ мерцающіе вечера лѣта ходилъ я къ ней, когда травы благоухали медомъ, а звѣзды казались вздрагивающими слезами. И въ зимніе вечера, когда земля неслышно дремала, овѣянная бѣлой грустью. И всегда подходилъ я съ трепетомъ къ порогу ея дома, потому, что не зналъ, какъ она встрѣтитъ меня сегодня. Каждый разъ силился я проникнуть въ ея душу, но всегда она была новой—то холодная и далекая, то жгучая и близкая.

И никогда, обладая ею, не зналъ я, будетъ ли она моей завтра.

Уже много-много разъ спускалось за море солнце, много ночей горѣли надъ нами звѣзды, но не гасла во мнѣ моя любовь къ дѣвушкѣ съ зелеными глазами, каждый разъ вспыхивала она все ярче, точно впервые овладѣвала мною. Только одно казалось мнѣ страннымъ, что до сихъ поръ я не з н а ю моей возлюбленной, до сихъ поръ не увѣренъ въ ней.

И чтобы успокоить свою волнующуюся душу, я рѣшилъ обратиться къ одному дряхлому старцу, слывущему мудрымъ и могущему помочь мнѣ совѣтомъ.

Я пришелъ и сказалъ ему:

— Старикъ, вотъ передъ тобой человѣкъ, который любитъ дѣвушку съ золотыми волосами и вѣчно смѣющимся ртомъ. И хотя

— Все нужно... Комодика нѣтъ, шкапика нѣтъ, стульевъ нѣтъ...

— Табуретки есть...

— Только и есть двѣ табуретки, столъ, машинка, да еще сундукъ, да еще лампа...

— Велъ бы себя хорошо и жилъ бы тамъ, гдѣ все есть... Дрянной мальчишка...

— Чего же ты мамочка сердишся... Я то не дрянной...

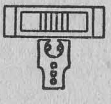
— Ну, а кто же дрянной?..

— Папочка мой дрянной, ты дрянная...

— Да ты что же съ ума сошелъ такъ говоришь... Кто тебѣ это сказалъ?

— Всѣ говорили... „Ты дрянь мальчишка, такой же будешь негодяй, какъ твой папочка“. Я сначала думалъ, что это папа Ваня негодяй... Сказалъ ему такъ, а меня взяли да и высѣкли... Моя настоящая мамочка—негодяйка, а папа Ваня и мама Нюша—мои бла-го-дѣ-те-ли...

Н. де-Лазари.



Редакторъ **П. Л. Плоховъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.